

— Думаешь, все будет так плохо? — спросила Гермиона, не пытаясь скрыть своего веселья. Когда Гарри просто застонал в ответ, она начала хихикать, пока из ее глаз не полились слезы. — Рон не так уж плох, Гарри, не будь таким злым.

— Я не вижу, чтобы ты был очень взволнован, — проворчал себе под нос Гарри, глядя на свою лучшую подругу, когда она снова начала хихикать.

«Нет, но я все равно не люблю квиддич, — пожала она плечами, — меня больше интересует, как они могут скрыть такое большое событие от маггловских властей, если честно».

«Только тебя больше интересует логистика, чем матч», — усмехнулся он, но она не стала смущаться.

— Гораздо интереснее думать об этом, чем смотреть, как люди летают в поисках мяча, — невозмутимо ответила Гермиона.

— Ой, так тебе не нравятся мои матчи по квиддичу? Гарри игриво надулся.

— Это другое, и ты это знаешь, — фыркнула Гермиона, и ее щеки залил румянец. «Я смотрю их, потому что ты мой друг, и мне нравится видеть тебя таким счастливым».

— Я знаю, — мягко улыбнулся Гарри, — я ценю это.

Румянец Гермионы слегка потемнел, и она не могла сдержать улыбку, появившуюся на ее лице. Тем не менее, она заметила, каким теплым стало ее лицо, и решила сменить тему, чтобы еще больше не смущаться. Сегодня Гринграсс не было поблизости, так что она не рисковала потерять его внимание.

«Я не понимаю, почему ты не рад видеть Рона», — солгала она. Она прекрасно понимала, почему Гарри не хотел видеть рыжую, и она тоже разделяла это. Лето до сих пор было самым веселым в ее жизни, и она знала, что Гарри чувствовал то же самое. Их предыдущие взаимодействия с младшим сыном Уизли были интересными, но в них не было ничего сложного. Гарри, которого она видела этим летом и к которому она привязалась еще больше, не был похож на человека, который наслаждается долгими периодами бездумности, когда Рон был полной противоположностью.

«Честно говоря, он кажется немного незрелым», — сказал он, поглубже усаживаясь в кресло и играя с ободком бутылки сливочного пива. «Меня гораздо больше беспокоят мистер и миссис Уизли».

"Почему?" — спросила Гермиона, нахмурившись, на этот раз ей не нужно было притворяться. Насколько она могла судить, у Гарри были прекрасные отношения с двумя родителями Уизли.

«Они собираются поселить меня в Норе до конца лета, Гермиона, — протянул он со скучающим выражением в глазах, прежде чем слегка скривиться, — проведя недели, обучая детей, я не вижу, чтобы мне нравилось разоблачать сад с Фредом и Джорджем».

"Достаточно честно", она сморщила нос, прежде чем немного подумать. — Они предлагали тебе остаться в их доме?

— Делал предложения, Гермиона, серьезно? Гарри растерянно ухмыльнулся. — Мне кажется, дама слишком много читает.

«Читать много не бывает», — сказала она, прежде чем шлепнуть его по руке. — И в том, чтобы говорить увертюры, нет ничего устаревшего. Это вполне подходящее слово.

— Никогда не меняйся, Гермиона, — покачал головой Гарри, глядя вниз.

«Я не планирую», — улыбнулась она своему другу, заставив его рассмеяться. Она присоединилась к нему, и некоторое время они пребывали в приятной тишине. Гермионе нравился смех Гарри; за лето она становилась все ниже и глубже по мере того, как он все глубже входил в период полового созревания. Его смех напоминал смех взрослого мужчины и придавал ему ауру спокойной силы, как океан во время прилива. Ее мысли подсознательно вернулись к временам, когда ей удавалось наблюдать, как он обучал студентов в течение последних недель, и она едва подавила дрожь. Это было опасной территорией для ее гормонов.

«Нет, но мы оба знаем, что это произойдет», — сказал он через некоторое время, опустив глаза. Гермиона озабоченно нахмурилась. После более чем месяца наблюдения за тем, как появляется более сильный Гарри, появление кроткого и застенчивого мальчика, с которым она подружилась на первом курсе, слегка напугало ее.

— Дело не в дегномизации, не так ли? — спросила она с грустной улыбкой.

— Ты всегда была проникательна, когда хотела, — сказал он с мягкой улыбкой, прежде чем его взгляд стал жестче и сфокусировался на ее глазах, удерживая ее на месте. «Я ненавижу, когда у меня лишают свободы, даже если с добрыми намерениями. Не думаю, что миссис Уизли слишком хорошо отнеслась бы ко мне независимо. ?"

— Гарри, это наш лучший друг, — слабо защищалась Гермиона.

— Я знаю, — вздохнул Гарри. «Он мне нравится, правда. Он веселый, и он был рядом, когда это было необходимо, но он чертовски ленив. Его мать так много контролирует в этой семье, что ему никогда не приходится брать на себя инициативу».

"Что ж. Этого никто не отрицает. — грустно подумала Гермиона. Она надеялась, что их дружба с Роном не сильно пострадает, поскольку они оба изменились, но сомневалась, что она

останется такой же, как в предыдущие три года. Даже в последний месяц их третьего года дистанция между ними несколько увеличивалась. Недостаточно разрушить их статус лучших друзей, но достаточно, чтобы заметить тенденцию.

— Думаешь, в Норе будет так плохо? — спросила она после того, как они провели некоторое время в гораздо менее комфортной тишине.

"Я делаю."

"Ну, я могу обсудить с моими родителями, если я могу остаться там с вами." Через некоторое время она вызвалась добровольцем. Убедить ее родителей может быть немного сложно, особенно учитывая тот факт, что она почти не проводила с ними время из-за Хогвартса, но она решила, что сможет после некоторых переговоров.

— Очень мило с твоей стороны, Гермиона, — благодарно улыбнулся ей Гарри, и она почувствовала, как ее лицо покраснело от смеси смущения и чистого ликования. Когда он коротко сжал ее руку, прежде чем продолжить, она почувствовала, как ее сердце пытается вырваться из горла. «Но я не думаю, что вы можете изменить это. Я не думаю, что кто-то может убедить Молли Уизли, когда дело касается ее детей, и она считает меня одним из своих. Это мило, когда это не раздражает».

Поняв, что ее голос сорвется, если она попробует заговорить так скоро после того, как ее сердцебиение так сильно подскочило, она решила остановить Гарри насмешливым взглядом, уперев руки в бедра, пока не научилась говорить. — Я хочу, чтобы ты знал, что никто не сравнится с Гермионой Грейнджер в крике, когда дело доходит до Гарри Поттера, — сказала она с притворным высокомерием, прежде чем многозначительно задрать нос. Гарри пялился на нее достаточно долго, чтобы она начала нервничать, прежде чем он разразился хохотом.

«Это было здорово! Я буду иметь это в виду», — сказал он, вытирая слезу, которая выступила в его глазах, прежде чем повернуться к ней лицом. «Я бы доверил тебе вытащить меня из этого, если бы мы имели дело только с Молли, но это не тот случай».

"Что ты имеешь в виду?"

— Дамблдор, — мрачно сказал Гарри.

Гермиона вздохнула и легонько провела пальцами по лбу. Справедливости ради, она поняла, что то, что она делала с Гарри, обучая первокурсников, действительно имело такое значение, какое она не могла себе представить, чтобы Дамблдор прилагал такие усилия. Она все еще была сбита с толку тем, что Гарри был так категорически против того, чтобы сообщить об этой идее директору, зная, что у них есть доказательства того, что она работала настолько эффективно, но Флитвик, похоже, считал это неразумным. Возможно, им нужна была большая выборка, прежде чем убедить директора. Но недоверие Гарри к Величайшему Волшебнику Эпохи было всепоглощающим, и она не могла понять, как бы она ни старалась. Она всегда поддерживала свою подругу, но эта перемена ей не нравилась. Надеюсь, она сможет изменить

мнение Гарри о разуме.

— Не думаю, что его заинтересует, где ты проведешь остаток лета, если ты дашь ему хорошее объяснение, Гарри.

«Пожалуйста, — усмехнулся он, и ей пришлось скрыть, как сильно ее ранило его быстрое увольнение, — то, как он попросил меня остаться у Дурслей летом, не могло быть больше завуалированной угрозой, если он медлил, поглаживая кот в большом красном кожаном кресле».

Каждой клеточкой тела Гермионы хотелось опровергнуть это и доказать, что Дамблдор действовал только из лучших побуждений, но потом она вспомнила, как ее сердце — и ее тело — всколыхнулось, когда Гарри дотронулся до ее руки. Она отчаянно хотела почувствовать это еще больше. В последнее время она чувствовала себя смелее, когда это касалось Гарри, больше, чем она когда-либо считала возможным, но это прикосновение произошло по его инициативе, и для нее это означало всю разницу в мире. Она промолчала и грустно кивнула, зная, что дальнейшие споры заставят Гарри раствориться в своих книгах.

Между тем мысли Гарри были заняты его последним комментарием. Он собирался провести больше времени в маггловском мире летом, но его обязанности в импровизированной школе и время, проведенное с Дафной за изучением волшебной культуры, украли то небольшое время, которое он планировал использовать для изучения маггловского Лондона.

"Эй, ты свободен после наших лекций?" — небрежно спросил Гарри у Гермионы, слегка удивив себя, когда у нее перехватило дыхание и она стала краснее помидора.

— П-почему ты спрашиваешь? Она нервно заикалась, избегая его взгляда. Он нахмурился. Это было необычно для Гермионы, обычно она была такой уверенной.

— Я думал сегодня поехать в Лондон и надеялся, что ты поедешь со мной.

— О, — слабо сказала она, и в этот момент ее лицо практически покраснело. — Прости, Гарри, но у меня кое-что с родителями.

«Правда? Думаю, тогда я пойду один», — сказал он. Ему хотелось пойти с Гермионой; она, конечно, могла ориентироваться в Лондоне лучше, чем он, но он вполне мог разобраться в себе.

В уме Гермиона проклинала себя за то, что была вонючей трусихой и не воспользовалась этой возможностью, чтобы пойти на свидание («это не обязательно было свидание», — утверждала часть ее разума, в значительной степени затмеваемая большей частью, которая переворачивала между воплем, что она трусиха, и болтовней о том, что у нее нет непредвиденных обстоятельств для срочного свидания), но маленький проблеск надежды блеснул где-то в пределах ее мозга и вывел ее из панического оцепенения.

"Как вы думаете, вы можете выпросить день от Норы?" — с надеждой спросила она. — Таким образом, мы по-прежнему сможем исследовать Лондон вместе, и мне не придется разочаровывать родителей. Ты можешь сказать им, что твои родственники попросили тебя кое-что сделать.

Гарри тщательно обдумал это. Он уже сообщил миссис Уизли, что ему придется за день до их отъезда в Хогвартс вернуться в Суррей, потому что он понадобится Дурслям, когда он тайно планировал встретиться с отцом Дафны. Он мог бы написать письмо, в котором говорилось, что он нужен на день раньше, и это не должно быть проблемой.

— Хорошо, я думаю, что смогу, — сказал он с мягкой улыбкой.

Гермиона подавила желание завопить в небесах о триумфе и удовлетворилась чрезвычайно довольной улыбкой. Когда наступит день, она будет готова.

Когда уроки закончились, Гермиона практически выбежала за дверь, уже формулируя свои планы на идеальное свидание с Гарри, исследующим Лондон, едва сдерживая себя от хихиканья.

— Я никогда в жизни не видела Грейнджер такой взволнованной, — тихо пробормотала Дафна, чтобы никто из проходящих мимо новичков не услышал, — это откровенно беспокоит.

— Сказала, что у нее были дела с родителями, — усмехнулся Гарри, прежде чем пробормотать тем же тоном. Дафна что-то понимающе хмыкнула, но ничего не сказала, когда их ученики вышли из комнаты.

— Тогда хочешь рассказать что-нибудь о Визенгамоте? — сказала Дафна, выжидаяще приподняв одну бровь и уже наполовину подойдя к своей комнате.

— Вообще-то, — медленно сказал он, заставив ее моргнуть от удивления и принять позу, чтобы смотреть ему в лицо. — Я думал поехать в Лондон.

— Мы в Лондоне, — протянула она, словно разговаривая с очень растерянным ребенком.

"Я имею в виду Лондон Лондон", он закатил глаза. «Как маггловский Лондон».

«Не кажется ли тебе, что более важно все обдумать перед встречей с моим отцом?» — спросила она, не столько предостерегая, сколько любопытствуя. — Ты уезжаешь завтра.

«Мы довольно часто проходили через это, Гринграсс, — пожал плечами Гарри, — честно говоря, я не думаю, что еще один день учебы меня спасет или сломает».

— Если ты так думаешь, — медленно произнесла Дафна, слегка нервничая. Она надеялась, что Поттер будет вести себя с ее отцом соответственно, как из-за их общих амбиций, так и из-за чувства, которое она испытала, когда он говорил о своем кинжале ранее в тот день. Просто воспоминание о выражении его лица заставило ее глаза немного остекленеть, прежде чем она смогла себя контролировать. «Что вы планируете делать в Лондоне, Лондон, как вы так красноречиво описываете это?»

«Понятия не имею, — усмехнулся он, когда она практически источала разочарование, — город довольно большой, так что я просто планирую изучить его и найти, чем заняться».

— Ты безнадежен, Поттер, — невозмутимо сказала она. «Я не думаю, что вам можно доверять свои собственные устройства. Вам нужен присмотр взрослых».

«Ты задеваешь мои чувства, Дафна», — надулся он, прежде чем указать и ухмыльнуться, глядя на полугоблина, который отвечал на вопросы первокурсников. — Думаешь, Флитвик хорошо бы вписался?

— Вообще-то я думала о себе, — она насмешливо тряхнула волосами, внутренне довольная последними событиями. Подшучивания над Поттером поднимались вверх в списке ее любимых увлечений, и если бы она каким-то образом смогла превратить это в то, чтобы проводить больше времени с мальчиком, тем лучше. Гермиона, возможно, заметила его первой, но она не коснулась поверхности потенциала подростка — только Дафна увидела его в тот день в его комнате, и это взволновало ее.

— Я понятия не имел, что вы интересуетесь простыми смертными, леди Дафна, — сказал он, кланяясь человеку ее положения. Этот жест развеял ее опасения, что встреча с лордом и леди Гринграсс обернется катастрофой, и она почувствовала, что ухмыляется прежде, чем смогла совладать с выражением лица. Гарри заметил это, учитывая ухмылку, когда он держал лук дольше, чем нужно, и когда она прищурила на него глаза, он только нахально позволил своей ухмылке стать шире. Дафна закатила глаза и ударила его наручниками по затылку. «Ой! Насилие противоречит вашему протоколу».

«Я идеален, протокол изгибается, чтобы успокоить меня», — ухмыльнулась она, глядя на его недовольное лицо.

«О, дорогая, кто-то лжет тебе», сказал он с широко раскрытыми невинными глазами.

«Отрицание — сильная вещь».

— Я так рад, что мы согласны.

— Итак, маггловский Лондон? — спросила она, рассеянно накручивая светлую прядь волос и внутренне ухмыляясь, когда его глаза уловили это движение.

«Конечно, на самом деле звучит забавно, — он мягко улыбнулся, — я уже приглашал Гермину, потому что хотел составить компанию, но у нее уже было запланировано это дело с родителями».

Дафна застряла между безумным кудяхтаньем из-за того, что она украла возможность Грейнджер, и недоумением, почему девушка не ухватилась за этот шанс. Решив, что она никогда не сможет понять внутреннюю работу взлохмаченной брюнетки, она просто повернулась, чтобы посмотреть на ее одежду.

«Если не считать волшебного плаща, думаю, я готова идти», — задумчиво сказала она. На ней были черные брюки, которые были более или менее неотличимы от темных джинсов, если не трогать материал, а простая белая рубашка была маггловского покроя. Но зеленое пальто с гербом Гринграсс, ниспадающее с плеч до лодыжек, выделялось бы, как больной палец. — Думаешь, сможешь трансфигурировать его в маггловский стиль?

«Возможно, смогу, — нахмурился он и легонько коснулся пальто, — но я не знаю, как долго оно будет оставаться преобразенным, и мы не сможем изменить его оттуда. Я думаю, что Флитвик был бы лучшим выбором». сюда, Филиус! Он крикнул через всю комнату и жестом пригласил Мастера Заклинаний подойти к ним.

— Что я могу сделать для тебя, Гарри? — спросил он добродушно, подпрыгивая на каблуках.

«Вы можете трансфигурировать пальто Дафны во что-то более маггловское? Мы думали о поездке в Лондон, и я не верю, что моя трансфигурация продлится дольше часа».

"О, это все?" Профессор многозначительно ухмыльнулся девушке. Дафна Гринграсс гордилась тем, что не краснеет — она считала, что это слишком недостойная потеря контроля над эмоциями, и постоянно насмеялась над Асторией и Трейси за то, что они не могут сделать то же самое — и в тот раз она не краснела, но ей было абсолютно неловко из-за того, что пойман Флитвиком и в частном порядке поблагодарил Моргану за невнимательность таких людей, как Поттер. — Хорошо, я могу сделать это для вас двоих.

Взмахивая палочкой и что-то бормоча себе под нос, зеленое пальто уменьшилось в размерах, пока едва не стало прикрывать ее белую рубашку. Он стал более темно-зеленым, чем раньше, и имел широкий лацкан и пуговицы, расположенные по диагонали, чтобы открывать или закрывать куртку. В общем, это был очень сделанный со вкусом предмет одежды, и она уже собиралась горячо благодарить полугоблина, когда он изменил цвет всех пуговиц и мелких деталей, вшитых в лацкан, на тот же оттенок изумрудно-зеленого, что и у Гарри. глаза. Когда Дафна столкнулась с полугоблином с широко раскрытыми глазами и глубоко смущена, дерьмовая ухмылка на лице мужчины стерла из ее головы все мысли о благодарности.

— Это пальто тебе очень идет, — сказал Гарри с мягкой улыбкой, отвлекая ее от планов мести на уроке Чары. На мгновение он увидел, как его глаза слегка потемнели, и она почувствовала, как у нее пересохло во рту, но это произошло так быстро, что она искренне смутилась, если это произошло.

«Спасибо», сказала она с легкой улыбкой, прежде чем повернуться к профессору и поклониться в явном знаке уважения, скрывающем ее хмурый вид от Гарри.

— Что ж, тогда я оставлю тебя. Увидимся в Хогвартсе, Гарри, — усмехнулся он и помахал им обоим, прежде чем вернуться и пойти помочь оставшимся детям.

— Верно, — кашлянула Гринграсс в ладонь, отчаянно желая отвлечь от себя внимание, пока ее смущение не исчезнет. "Гламур или плащ?"

— Плащ, — сказал Гарри, не задумываясь. Дафна заметила, что он все еще оценивающе смотрит на ее куртку, и от этого взгляда почувствовала, как в ее груди потеплело. «Я не хочу носить с собой гламур, и я всегда могу использовать Плащ, если что-то случится».

— Тогда я подожду тебя здесь.

Гарри кивнул и быстро побежал в свою комнату. Дафна воспользовалась возможностью, чтобы сделать пару глубоких вдохов и сосредоточиться. Это было просто путешествие в маггловский Лондон. Она играла в долгую игру, и у нее все еще были карты, чтобы сыграть против Грейнджер, чтобы это сработало в ее пользу.

«Помни, какой впечатляющей была та версия Поттера в тот день. Вот цель, — твердо подумала она, сдерживая себя, чтобы не отклониться от своих планов.

Они молча подошли к «Дырявому котлу» и достигли Чаринг-Кросс-роуд, когда Гарри сбросил мантию-невидимку и повернулся к ней.

— Итак, куда? — спросила она, оглядывая улицу. Это был на удивление солнечный день для лондонского дня, и те немногие поездки в город с семьей были краткими и объективными. Никогда не было много времени, чтобы бездельничать и любоваться городом.

«Я не очень хорошо знаю Лондон, но знаю, что Национальная галерея рядом», — он слегка улыбнулся, глядя на ее широко раскрытые глаза от любопытства. Так редко можно было увидеть слизеринца, открыто заинтересованного чем-то, и это делало его счастливым. «Я знаю, что ты любишь маггловскую литературу, значит, тебе должно нравиться и маггловское искусство».

«Звучит весело», — ответила она с легкой улыбкой и голубыми глазами, мерцающими от волнения. Гарри машинально вытянул руку, и она деликатно положила руку на внутреннюю сторону его предплечья, шагая вместе с ним. Она знала, что этот жест чистокровных приличий покажется странным в маггловском мире, но она была слишком счастлива от того, как легко он следовал протоколу, чтобы заботиться. Он все больше и больше превращался в волшебника, каким она его представляла, и она не могла сдержать улыбку при этой мысли, как бы сильно ни старалась.

Они шли медленно, наслаждаясь своей компанией в тишине или вглядываясь в обрывки разговора. Дафна с любопытством указывала на колоритное заведение, а Гарри говорил, что это ночной клуб, и он не может произнести Конфундо без палочки, чтобы они могли войти и выпить. Там были странные символы, напоминающие то, что они видели в древних рунах, нарисованные на витринах магазина, и им потребовалась минута, чтобы понять, что это китайский ресторан. Гарри посмеивался над тем, как странно одет проходящий мимо пожилой мужчина, а Дафна указывала, что на ней преобразенное пальто. Разговор был легким и легким, без каких-либо остроумных колкостей, которыми они любили обмениваться в личных беседах. Не имея возможности говорить о волшебном мире, они позволяли себе быть окруженными своим окружением и небрежно говорить о том или ином.

Когда они, наконец, достигли Трафальгарской площади, Дафна была поражена, восхищаясь Колонной Нельсона и изумленно глядя на огромное количество людей, гуляющих по этому месту. По пути сюда они спонтанно начинали игру «Найди волшебника» всякий раз, когда встречали людей, чья одежда или манеры были слишком похожи на то, что они видели в Косом переулке, чтобы они могли подумать, что они магглы, и Дафна задавалась вопросом, как эти люди не попались, но знала, что у нее был ответ. Просто было так много людей в городе; вы бы никогда не обратили внимания на странность любого данного человека. Что может один человек проклинать «Ежедневный пророк», когда вокруг тысячи людей жалуются на свой университет, или своих врачей, или совет, что бы это ни было. Гарри деликатно отворачивал ее от Колонны, и когда они повернулись, она не смогла сдержать вздох.

— Это Национальная галерея? — спросила она, широко раскрыв глаза от шока. Гарри лишь весело кивнул. «Это место такое огромное, и оно полно произведений искусства?»

«Я никогда раньше не был внутри, но слышал много хорошего», — пожал он плечами. "Хотите войти?"

Она взволнованно кивнула, все еще восхищаясь огромным зданием, и Гарри не мог сдержать смех. Ей было все равно; она была слишком очарована тем, какие красивые колонны в музее или какой высокий купол над ним построили. Дафна научилась у своих родителей уважать предприимчивость магглов, но это выглядело великолепно.

Гарри и Дафна вошли в Центральный зал и попросили рекомендации у проходившего мимо сотрудника. Поскольку ни один из них не имел ни малейшего представления о том, что искать, и знал, что у них нет надежды увидеть всю коллекцию, они последовали рекомендации и отправились проверить крыло музея эпохи Возрождения.

Первое, что заметил Гарри, это то, что здесь было много картин о христианской религии. Христианство не очень приветствовалось в волшебном мире, что понятно, когда религия была ответственна за сжигание ведьм заживо, и он ненадолго задумался, не совершил ли он ошибку, приведя сюда традиционастку Дафну, но она была очарована картинами.

Он также заметил, как они оба по-разному оценивали картины. Гарри всегда читал небольшие описания рядом с произведениями искусства, чтобы узнать больше о художнике или о самой картине, но Дафна почти благоговейно смотрела на каждую картину и настаивала на том,

чтобы тратить время на изучение деталей каждого интересного уголка музея, который они хотели. пройти мимо. Она почти выглядела так, будто активно сдерживала себя от прикосновения к картинам и деликатного поглаживания их, и они почти не обменялись ни словом, когда она смотрела на искусство.

Чем дальше они шли по комнатам своего крыла, тем менее религиозными становились картины и все больше появлялось портретов. Гарри читал их рассказы в маленьких белых коробочках, прилагавшихся к картинам, а Дафна пыталась расшифровать их, просто вглядываясь в сами картины, и они время от времени сравнивали свои впечатления от каждого изображенного человека.

Когда они подошли к особенно большой картине, Дафна остановилась и совсем замерла, с обожанием разглядывая детали. Гарри рассеянно прочитал название картины — «Семья Дария раньше Александра», Паоло Веронезе, - и посмотрела на Гринграсс, которая так и не выпустила руку. Она казалась замороженной и проводила много времени, рассматривая детали каждого персонажа, изображенного на картине. Гарри заметил ее душевное состояние и решил тоже насладиться деталями искусства. Ближе всего к нему он мог видеть, как мальчик бережно держит щенка, а его крепко держит его мать, которая защищает второго щенка от действий в центре, где царственный мужчина преклоняет колени перед победоносным военным генералом в сопровождении его окружение солдат и слуг. Он только что заметил, как маленькая девочка, одетая как принцесса, рассеянно держала корону своего отца, когда Дафна повернулась к нему с легкой улыбкой.

Она много раз улыбалась этой застенчивой улыбкой с тех пор, как они впервые увидели друг друга, когда он пошел покупать котлы, но никогда раньше с таким количеством эмоций, которые были видны в ее глазах. Ее глаза были льдисто-голубыми и обычно позволяли показывать только те эмоции, которые она хотела показать, но теперь они радостно блестели и так ясно, что он не мог не быть прикован к их взгляду.

«Я никогда не думала, что неподвижная картина может передать так много и так красиво», — тихо сказала она, прежде чем на мгновение вернуться к картине. Когда она снова повернулась к нему лицом, она широко сияла, больше, чем он когда-либо видел ее улыбку. — Я очень рад, что ты привел меня сюда, Гарри.

За время их совместного общения Гарри полюбил Дафну. У нее был способ стимулировать ту его сторону, которую раньше проявлял только Салазар, а ее остроумные и сухие замечания демонстрировали ясный ум, который не был снисходительным к тем, кто хотел сразиться с ней словесно. Она была чистокровной ведьмой без каких-либо предубеждений против магглов или магглорожденных, и она была амбициозной, кем-то, кого он мог видеть помогающим ему достигать своих целей в течение следующих лет и десятилетий. Но это был первый раз, когда он увидел за Наследницей Гринграсс обычную девушку, которая любила искусство и литературу и демонстрировала такую безудержную радость от того, что познакомилась с другим аспектом мира. Он решил, что ему нравится эта девушка.

— Я тоже очень рад быть здесь, Дафна.

Пока Гарри и Дафна завершали свой вечер в ресторане недалеко от Трафальгарской площади, Гермиона сидела на своей кровати с открытой записной книжкой рядом с «Путеводителем по Лондону» и планировала идеальное свидание с Гарри. Однако всякий раз, когда она пыталась сосредоточиться на поставленной задаче, какая-то часть ее мозга отвлекала ее, и она начинала отключаться. Для постоянно организованной ведьмы это было бы обременительно, если бы ее мечты не были о зеленоглазом волшебнике, который всегда жил в ее голове в эти дни.

Она так гордилась Гарри. Даже убрав все романтические чувства из ее суждения, усилия, которые он приложил, чтобы дать лучшую возможность магглорожденным детям, изменили бы ее жизнь, если бы кто-то дал ей подобную возможность. Он потратил на это так много своих денег и своего времени, особенно если учесть, что он освободился от Дурслей и мог просто путешествовать по Англии, вместо того, чтобы заниматься чем-то продуктивным. Он вырос в тот потенциал, который она всегда видела в нем, и стал более уверенным, внушительным, более похожим на Гарри .. Было трудно не начать влюбляться в него только из-за этого. Если ему хватило месяца и одного лета, чтобы превратиться из немного ленивого, но яростно преданного мальчика в интеллигентного, твердого и остроумного молодого человека, с которым она провела так много времени в последнее время, она даже представить себе не могла, как он себя поведет, когда они закончат Хогвартс. Они могли бы быть старостой и старостой вместе и отлично использовать свои отдельные помещения.

Но смертельным ударом для нее стали дети. Он был потрясающим учителем, лучше ее, и она не боялась в этом признаться. Она знала о некоторых вещах больше, чем он, но слишком часто терялась в тандеме и иногда упускала вещи, потому что они имели смысл для нее, но обязательно имели бы смысл для первокурсницы. Он был так хорош со студентами в здании. Такой терпеливый, и нежный, и добродушный, и знающий, и добрый.

« Он будет отличным отцом », — подумала она, и разве это не вызвало на ее лице в высшей степени дурацкую улыбку, когда она представила, как Гарри бежит за молодой девушкой с черными, как смоль, волосами и мальчиком с ее подпрыгивающими каштановыми волосами? локоны, оба с его зелеными глазами, самыми красивыми глазами, которые она когда-либо видела. Ее улыбка стала шире при мысли об их маленькой семье. Гермиона Джейн Поттер . У них даже были бы одинаковые инициалы!

Обычная Гермиона Грейнджер закатила бы глаза от того, насколько она увлечена мальчиком, но нормальная Гермиона Грейнджер заблудилась где-то в Хогвартсе, и ее нигде не нашли. Гринграсс заставил ее осознать, насколько глубоко она влюблена в черноволосого волшебника, и с тех пор ее чувства становились все хуже с каждым днем.

В каком-то смысле она была рада за слизеринку. Гермиона иногда испытывала неуверенность в своем поведении, и между ней и другими девочками в ее общежитии Гриффиндора возникал такой диссонанс, что иногда она не чувствовала себя девочкой. Рационально она понимала, что это ерунда, и что кто-то не обязан вести себя как Лаванда или Падма, чтобы быть девочками, и что она может быть женщиной, не заботясь о вещах, о которых они двое постоянно твякают, но предательская часть ее мозг шептал ей, когда она пыталась заснуть по ночам, что она слишком странная и начитанная, чтобы быть «приличной девочкой». С тех пор, как Гринграсс вошел в ее жизнь и помог ей разобраться в своих чувствах, она почувствовала себя более спокойной со своей женственностью, не теряя своей индивидуальности.

Это не означало, что она не приходила в ярость, когда думала о том, сколько времени они вдвоем проводят вместе, и она заметила, что она не единственная ведьма в здании, практикующая благородное искусство Гарри... смотрела, но теперь, подумав об этом, она стала немного спокойнее. У нее было свидание с Гарри. Несмотря на то, что Гринграсс не обещала, что не будет преследовать Гарри, она сказала, что не вступает в игру, потому что у Гермионы было раннее преимущество.

Может быть, подумала Гермиона, мне не следует ревновать ее. Пришло время ей завидовать мне.

И Гарри, и Гермиона независимо друг от друга, резко приземлившись на землю, решили, что ненавидят путешествовать с портключами.

«Я думал, что я плохой в магическом транспорте», — рассмеялся Гарри, протягивая руку, которую Гермиона жадно взяла, чтобы помочь ведьме подняться на ноги.

— Смейся, Гарри Поттер, — добродушно проворчала она. «В следующий раз, когда мы вместе воспользуемся камином, я не буду помогать тебе вставать с пола».

Разговоры, которые Уизли вели с ними накануне, почти не запомнились ни одному из них, поскольку оба слишком устали, чтобы тратить много времени на общение. Тем не менее, они встретили Билла, который казался крутым, а еда миссис Уизли всегда доставляла удовольствие. С Роном было на удивление приятно разговаривать, и Гарри чувствовал себя немного виноватым из-за того, что сомневался в своем друге. Перси всегда был ханжеским, а Близнецы взволнованно строили планы на будущее, чего Гарри опасался ради Волшебной Британии в целом. Гарри немного беспокоился о том, что Серена застряла в его багажнике, но она легко отмахнулась от его беспокойства.

Рон смеялся над Гермионой, и после того, как она поймала его, он решил использовать Гарри как защитный щит от взгляда Гермионы, что заставило Гарри рассмеяться и покачать головой. Мистер Уизли разговаривал с ворчливым волшебником после того, как положил ботинок из своей руки в большую коробку, содержащую всевозможный смешанный хлам, предположительно портключи от других групп людей.

Трио затеяло оживленную беседу о чемпионате мира — Рон говорил о полуфинале, а Гермиона гадала, где они в Англии, — но это был тот беспорядочный и запутанный разговор, который ему нравился, когда они были только троим. После добрых двадцати минут ходьбы Гарри поднял глаза и увидел бесконечные ряды палаток, возведенных на горизонте. Ему было интересно, сколько волшебников со всего мира приехало посмотреть финал.

У мистера Уизли были некоторые трудности с оплатой явно маггловскому человеку, стоявшему перед воротами, поэтому Гарри решил помочь и подошел к ним.

— Ты не первый, у кого сегодня проблемы с деньгами, — сказал маггл с оттенком веселья, — минут десять назад двое из них пытались заплатить мне этими большими золотыми монетами.

«Позвольте мне помочь вам, мистер Уизли», — вмешался Гарри, прежде чем запаниковавший мужчина зарылся в более глубокую яму и нарушил Статут о секретности. "Сколько за наш участок?"

— Сто фунтов, парень.

— Верно, — кивнул Гарри, деликатно беря бумажник из рук мистера Уизли, беря пурпурную купюру в 20 фунтов и показывая ее очарованному волшебнику. — Их должно быть пять, мистер Уизли.

— Спасибо, парень, — благодарно кивнул маггл, засунув мужчину в карман и поставив галочку в его списке оговорок. «Никогда раньше не видел, чтобы здесь было так много людей, которые заранее бронировали места. Должно быть, это какая-то условность».

"О, как же так?" — сказал мистер Уизли, протягивая руку, чтобы получить сдачу, которую, как он и не заметил, он не получит.

«Ну, они странно одеты, но, кажется, всем наплевать. Клянусь, я видел одного с занавеской для душа и цилиндром», — маггл пожал плечами с легкой ухмылкой. "Что угодно, что щекочет ваше воображение, а? Тогда идите. Вот карта кемпинга, которую я велел вам дать".

Гарри последовал за семьей Уизли, забавляясь мыслями об игре, в которую он играл с Дафной всего два дня назад. Даже в Лондоне мужчина, одетый в занавеску для душа, мог получить странный двойной взгляд через плечо. Он весело болтал с Гермионой и Роном и указывал на самые нелепые палатки. Среди двух совершенно нормальных зеленых палаток одна семья поставила палатку, похожую на шелковый дворец, по которому расхаживали живые павлины.

«Палатка продается с павлинами или вы покупаете отдельно?» Гермиона усмехнулась, заставив Рона рассмеяться.

- Я даже не знаю, где можно купить павлина, - сказал рыжий, любуясь животным, которое смотрело в их сторону.

«Может быть, он арендован», — ухмыльнулся Гарри. «1 галеон в час на павлина».

— Гермиона, как думаешь, ты сможешь трансфигурировать меня в костюм павлина? Рон ухмыльнулся. «Я могу зарабатывать на жизнь этим курсом».

«Почему бы просто не превратить тебя прямо в павлина, Рональд?» — сладко сказала Гермиона, угрожающе вжимая палочку в ладонь.

— Эй! Гарри, прикрой меня.

Они так отвлеклись, что Гарри не заметил, как случайно наткнулся на Джинни, которая выглядела взволнованной при этом контакте. Извинившись и выслушав слегка запинаящееся принятие извинений, он повернулся к мистеру Уизли и увидел, как тот спорит, куда поставить колышки и шесты, в то время как Фред держал молоток и заговорщицки поглядывал на Джорджа. Прежде чем кто-либо из них успел что-то испортить, Гермиона схватила молоток и толкнула Гарри за руку, чтобы тот помог ему, пока они оба слушали, как мистер Уизли удивляется тому, как магглы управляют своим «механизмом».

— Нам будет немного тесно, — сказал мистер Уизли. Гарри и Гермиона обменялись взглядами, и он едва подавил фырканье. Палатка выглядела вполне по-магловски, но в ней совершенно не помещалось десять человек, даже при своеобразном понимании Уизли правильного распределения жилого пространства. "Но мы вписываемся прямо в".

Когда Гарри вошел в палатку, его челюсть слегка отвисла. Место было огромным — потому что, конечно, внутреннее пространство было бы больше, чем внешнее, волшебное — минимум три этажа, кухня и несколько ванных комнат.

«Почему Косой переулок не заполнен магазинами внутри таких палаток?» Гарри слабо сказал себе.

— Чтобы долго поддерживать волшебное пространство, требуется много магии, — бодро сказал мистер Уизли позади него. «Вот почему люди не очень часто живут в сундуках. Чтобы поддерживать его в рабочем состоянии, требуется много внешней магии, иначе он рухнет, и я не думаю, что кто-то будет рисковать своими средствами к существованию, потому что Косой переулок недостаточно заполнен волшебники, прогуливающиеся по вторникам. Этот здесь временный, позаимствован у друга из министерства; они расставили множество заклинаний по всему месту, чтобы подпитывать магией палатки.

После того, как они все устроились, Рон, Гарри и Гермиона отправились на разведку, прежде чем им поручили какую-либо из задач, которые мистер Уизли, казалось, посвятил выполнению маггловского пути. Рон казался более или менее комфортным в окружающей среде, но и Гарри, и Гермиона были поражены количеством людей вокруг них. Волшебники и ведьмы были в абсолютном меньшинстве в мире, и Гарри полагал, что значительная часть магического населения Британии должна присутствовать. Салазар подсчитал, что магическое население мира составляет от миллиона до двух, но Гарри начал задаваться вопросом, не больше ли их.

— Смотри, дитя-волшебник, — прошептала Гермиона ему на ухо, осторожно указывая на пару детей, держащихся за руки с вялым на вид мужчиной. Детям на вид было трое или четверо, и у каждого была плюшевая игрушка; один держал синего единорога, а другой — красного гиппогрифа, который выглядел довольно мило.

— Что в этом особенного? — смущенно спросил Рон.

— Ну, мы никогда раньше не видели младенца-волшебника, — заметила Гермиона. Гарри ошеломленно кивнул, подумав, что этот ребенок вполне мог быть им, если бы в 1981 году все

пошло по-другому.

Гарри улавливал разговоры на столь многих языках, что чувствовал себя дезориентированным, но чувство нервного возбуждения пронизывало воздух, куда бы они ни пошли. Рон мечтательно смотрел на группу французских молодых ведьм и чуть не наткнулся на группу проходивших мимо волшебников, потому что не обращал на них внимания, в то время как Гермиона, казалось, была поглощена изучением разнообразных групп магов вокруг нее, время от времени выделяя интересные вещи для Гарри. («посмотрите на длинные мантии, которые носят эти трое, я не узнаю эту ткань», или «что это за животное?», или «вы слышали об этом Салемском институте ведьм?»).

— Эй! Рон! Гарри! Гермиона! — оживленно позвал голос позади них через несколько секунд после того, как они пересекли группу палаток, покрытых неестественным количеством трилистников.

— Симус! — радостно сказал Рон, шагнув вперед, чтобы поприветствовать свою пару. Они оба сблизилась в конце последнего семестра, и это отражалось в волнении, с которым они разговаривали. Гарри и Гермиона весело переглянулись и последовали за ними.

— Нравятся украшения? Симус несколько злобно усмехнулся. «Министерство в ярости!»

— Не могу представить, почему, — фыркнул Рон. «Они бесятся на все подряд. По крайней мере, ты не живешь, когда Перси прорастает толщиной в котлы, приятель».

«Черт возьми, — поморщился ирландец, — звучит мрачно».

«Не такие мрачные, как болгарские палатки там наверху», — сказала миссис Финнеган, указывая на группу темных палаток на холме. «У этих болгар нет чувства стиля. Вы должны болеть за Ирландию, а? У нас есть индивидуальность».

Все трое отправились проверить, как устроены болгарские палатки, и Гарри вынужден был признать, что выглядели они довольно непривлекательно. Каждая палатка была украшена движущимся плакатом с одиноким мужчиной в квиддичной форме, уродливо хмурившимся на прохожих. Гарри с некоторым весельем заметил, что если прохожие были одеты в болгарскую рубашку, то игрок на афише кивал куда более уважительно.

Пока Рон и Гермиона спорили о достоинствах Виктора Крама, который предположительно был Болгарским Искателем, изображенным на плакатах, Гарри украл карту из рук Рона и был рад видеть, что она указывала на их текущее местоположение с веселой красной надписью «ТЫ ЗДЕСЬ». точку и обозначил сюжет Уизли крестиком, который, казалось, был вдохновлен пиратской картой тайного сокровища.

Когда они снова добрались до своей палатки, Фред и Джордж растерянно смотрели на коробок спичек, думая, как заставить их загореться.

— Вы стали довольно скользкими, — сказал Джордж, полностью передавая коробку своему близнецу. «Сбежав как раз перед тем, как ты получил обязанность по водоснабжению, папе пришлось вызывать воду, и он был очень разочарован».

Гарри только усмехнулся и без сожаления помахал рукой, что, казалось, позабавило Близнецов настолько, что они просто попросили помочь со спичками, что Гермиона была более чем счастлива предоставить.

Когда остальная часть клана Уизли аппарировала прямо на их участок, они начали формировать небольшие группы для разговоров. Гарри увлекся трехсторонним разговором между Биллом и Гермионой об использовании Древних рун для разрушения проклятий, и он внес то небольшое, что мог, из материала, который он прочитал, чтобы наверстать упущенное до уровня четвертого курса. Гермионе, похоже, понравилось одно из его замечаний, и она уже собиралась расширить то, что он только что сказал, когда услышала, как мистер Уизли зовет его.

— А, Гарри, подойди сюда на секунду, — оживленно сказал он, указывая на крупного мужчину в ослепительной желто-черной мантии для квиддича и широко улыбаясь после обязательного «осторожного» взгляда на его шрам в виде молнии. «Это Людо Бэгмен, глава отдела магических видов спорта и игр, который предоставил нам наши хорошие билеты».

— Как дела, Гарри? Очень приятно познакомиться! — сказал он счастливым и раскатистым голосом, пожимая руку тисками, которые болезненно напомнили ему объятия Хагрида.

— Я тоже рад познакомиться с вами, сэр.

«Рад это слышать! Я только что заключал пари с Близнецами на результат матча!» — сказал он заговорщицки, но в то же время громко. Мужчина казался физически неспособным говорить внутренним голосом. "До каких-то действий?"

Прежде чем Гарри успел вежливо отклонить предложение, из-за спины крупного мужчины раздался строгий и нетерпеливый голос. «Правда, Людо? Ставлю на публику? Я искал тебя, чтобы удовлетворить запрос болгарского министерства».

Гарри заметил, как Перси, казалось, прихорашивался в присутствии этого нового голоса, и после того, как он взглянул на его внешний вид, прихорашивание приобрело большой смысл. Откровенно говоря, новое присутствие в их лагере выглядело как мальчик с плаката для бюрократии Министерства, с его безупречным костюмом и галстуком и жесткой осанкой.

«Ах, Барти! Это просто немного забавы на стороне», — сказал Бэгмен с сияющей улыбкой.

— Что ж, у нас есть работа. Займитесь своими делами позже. До свидания, Артур. Джентльмены.

— До свидания, мистер Крауч, — вежливо кивнул мистер Уизли. Глядя на растерянное лицо Гарри, он ответил на невысказанный вопрос. «Это Бартемиус Крауч, глава отдела международного магического сотрудничества. Наиболее известен тем, что некоторое время назад был главой DMLE. Довольно безжалостный парень, твердо стоящий на стороне Света, но все равно безжалостный».

Гарри кивнул и вернулся в палатку. Он вышел только тогда, когда все подошли к самому стадиону. Гермиона и Рон купили кучу вещей в магазинах, ведущих к стадиону, но Гарри, помня о своих деньгах с тех пор, как заказал кинжал, который в настоящее время находился в его сундуке в Норе, решил просто наслаждаться игрой, за исключением пара омникуляров.

Пока они поднимались к верхней ложе, Гарри заметил огромное количество людей вокруг стадиона. По словам мистера Уизли, сто тысяч мест. Перси взволнованно рассказал группе о многомесячной работе Министерства по созданию и покрытию всей конструкции мощными чарами «Не замечай меня». Гарри сел на соседнее сиденье и был быстро окружен Роном и Гермионой с обеих сторон.

— О, там домашний эльф, — указал Рон на Гарри. — Похоже на Добби, Гарри?

— Э, вот-вот. Одежда получше.

"Правда? Ха".

Гермиона была слишком поглощена самим стадионом, чтобы что-либо заметить, и прежде чем она успела увидеть их единственного спутника на верхней ложе, тут же ворвался поток людей, включая Корнелиуса Фаджа и болгарского министра, а за ними — семейство Малфоев. После нескольких представлений, во время которых у Гарри возникло сильное искушение проклясть льстивого министра после того, что он пытался сделать с Сириусом, и нескольких колкостей Люциуса Малфоя в адрес Артура, Драко попытался насмеяться над Гарри, но после нескольких недель долгих разговоров с Дафной поведение мальчика изменилось. не хватало. Его отец оставался интересным.

«Мистер Малfoy, я поступил небрежно, не спрашивая об этом раньше, но вам удалось найти себе нового слугу?» — спросил Гарри с невинной улыбкой, заставив Драко растерянно моргнуть и отвлечь внимание Люциуса от его жуткого взгляда на Гермиону.

— Боюсь, в наши дни трудно найти хороших слуг, — ответил мужчина шелковистым голосом, но Гарри видел, как крепче сжали его трость.

— Не знаю, — просиял Гарри, — я сделал из него замечательного друга, но боюсь, что он вас недолюбливает. Не могу понять почему. мнение о вас после того, как я расскажу вам об этом щедром пожертвовании святому Мунго, о котором нам рассказывал министр Фадж».

— Боюсь, у него не хватило бы ума понять мои действия, мистер Поттер, — сказал мужчина,

вроде бы невозмутимый, но внутренне кипящий.

— Однако тебе не нужно иметь много ума, чтобы понять, не так ли? — сказал Гарри более мрачно, отказываясь от фальшивой улыбки в пользу холодного взгляда и угрожающего голоса. «Только глубокие карманы и податливый бухгалтер».

— Джентльмены, давайте насладимся праздником, — натянутым голосом сказал Фадж, держа котелок. "Людо, я думаю, мы вполне готовы, не так ли?"

Когда мужчина начал рассказывать об игре, Рон повернулся к Гарри широко раскрытыми глазами. «Черт возьми, это было потрясающе. Я не думаю, что смог бы это сделать».

Гарри стыдливо пожал плечами, заметив, что вся семья Уизли смотрит на него с удивлением, а Гермиона смотрит на него очень напряженно. «Я подумал, что у меня что-то вроде серебряного языка».

«Больше золотого языка, Харрикинс», — ухмыльнулся Джордж со своего места.

Гарри только усмехнулся и повернулся к матчу, который еще не начался. Он заметил, что Гермиона странно смотрит на его рот.

— Гермиона, ты в порядке? — обеспокоенно спросил он, напугав молодую ведьму, которая сильно покраснела. «Тебе плохо? Ты, кажется, не в себе».

— Нет, я в порядке, — прохрипела она, все еще красная. «Просто очень ошеломлен количеством людей здесь».

— Если ты так говоришь, — недоверчиво сказал Гарри, но приняв ответ таким, какой он был.

Внезапно Гарри охватило чувство спокойного блаженства, как будто в мире все будет хорошо. Он чувствовал себя в потоке вещей, естественно, в своей тарелке. Он пытался понять, что заставило его чувствовать себя так, когда он смотрел на сотню женщин, скользивших по полю, и все они были неестественно красивы. Нечеловечески так. Это заставило Гарри немного нервничать, особенно потому, что он уже чувствовал это спокойное чувство раньше. Это было то же самое блаженство, которое он испытывал всякий раз, когда достигал особенно мощного магического подвига в тренировочной комнате, которую он использовал, чтобы практиковать книгу о проклятиях, написанную Руквудом с Дафной, и это положить быстро заслонку на чувство, которое он получал. Он быстро понял в процессе обучения, что поддаться этому чувству было опасным первым шагом к тому, чтобы поддаться искушению власти, и это было слишком похоже — поддаться искушению удовольствия.

Он очнулся через пару секунд после того, как начал видеть, как Рон пытается подойти поближе, чтобы перепрыгнуть через перила, чтобы быть поближе к женщинам. Близнецы

пострадали так же, но сопротивлялись прыжку немного лучше. Он с некоторым удивлением заметил, что и Малfoy-старший, и мистер Уизли были так же невозмутимы, как и он, хотя у британского министра глаза остекленели, а из уголков рта текло немного слюны.

— Гарри, — тихо сказала Гермиона, изумленно глядя на него. "Вы не пострадали?"

"Женщинами?" — смущенно спросил Гарри, все еще не понимая ни головы, ни хвоста.

— Это вейлы, Гарри, — сказал мистер Уизли, оттаскивая Рона от перил, а его сын все еще смотрел с открытым ртом на женщин внизу. «Они излучают волшебное очарование, которое привлекает внимание противоположного пола и соблазняет их. Полагаю, подобно сиренам. Вы можете быть невосприимчивы, только если вы уже глубоко влюблены в кого-то или если вы особенно стойкий человек».

— Так что там, Харрикинс? — угрюмо сказал Фред, оправившись от очарования.

— У ведьмы уже есть твое сердце, маленький Гарри? Джордж добавил сзади, многозначительно шевеля бровями.

«Не могли бы вы прекратить это, вы двое», — сердито сказала Джинни, ударив их обоих по голове.

Гарри наблюдал, как на лице Гермионы промелькнули разные эмоции, слишком много, чтобы сосчитать. Отчаяние, надежда, радость, ужас и другие вещи, казалось, захлестнули ее, прежде чем она просто отвела взгляд, словно пытаясь проанализировать вейлу поближе.

Не успев разобрать происходящее, Гарри отвлекся на гулкий голос Бэгмена и рев толпы, возвещающей начало матча.

Гарри быстро оценил купленные им омникуляры, потому что без них он не смог бы разобраться в разворачивающейся перед ним игре. Это дало ему полезные небольшие сведения о том, чем занимаются игроки, и значительно облегчило поиск квоффа. Без волшебной помощи Гарри был уверен только в двух вещах: ирландские охотники были поистине исключительными, а Крам был лучшим летуном, которого он когда-либо видел.

И Джинни, и Гермиона были в ужасе, когда Линч, ирландский ловец, врезался в землю после финта Крама, но его оживление пришло быстро и легко. Следующие минуты представляли собой мешанину из голов, пенальти, махинаций, связанных с очарованием, и растерянных лиц тех, у кого не было омникуляра, и к тому времени, когда Линч резко нырнул, а Крам твердо последовал за ним, матч уже перешел в руки ирландцев.

Гарри вздрогнул, а Гермиона взвизгнула, когда Линч ударился о землю во второй раз, и Краму едва удалось избежать подобной участи, прежде чем он высоко поднял руку и показал снитч,

крепко сжатый в его руке.

«ИРЛАНДИЯ ПОБЕЖДАЕТ», — кричал Бэгмен в тандеме с тысячами кричащих фанатов, «КРАМ ПОЛУЧАЕТ УДАР — НО ИРЛАНДИЯ ПОБЕДАЕТ — говорят об ожидаемом результате!»

«Зачем ему это делать?» Рон взревел, несмотря на явный энтузиазм по поводу матча. «Идиот поймал снитч, когда Ирландия была на 160 очков впереди!»

«Он хотел покончить с этим на своих условиях», — ответил Гарри, перекрикивая рев толпы, пока Айлленд делал круг почета.

Остаток церемонии прошел как в тумане. Близнецы почему-то обрадовались и сразу же бросились к Бэгмену, но после того, как матч закончился, Гарри заметил, насколько он устал. Все аплодисменты и крики взяли свое.

Гарри дремал на двухъярусной кровати, когда громкий шум снаружи прервал его сон и заставил его поспешно проснуться. Это не шум аплодисментов и пение, которые он слышал на обратном пути, или вечеринка не давали ему уснуть, несмотря на то, как он устал, когда они добрались до своей палатки.

Это были крики ужаса.

Схватив палочку для предосторожности и быстро схватив куртку, Гарри вышел из своей комнаты и вышел из палатки, чтобы найти затуманенного мистера Уизли, смущенно делающего то же самое.

— Я проверю, мистер Уизли, — сказал Гарри, проталкиваясь наружу. «Я дам вам знать, если вам нужно будет позвонить остальным».

— Хорошо, Гарри, я подожду здесь, — пробормотал он, потирая глаза, не соображая толком из-за недостатка сна. Гарри знал, что при любых других обстоятельствах испуганный крик не поможет ему спокойно выйти наружу.

Когда Гарри вышел из палатки, он сразу же попал в странную ситуацию. Он все еще мог слышать какие-то пьяные насмешки и случайные скандирования где-то вокруг себя, но большая часть шума исходила из места, где вдалеке мощно горели костры. Было слишком ярко для походного костра, и, вытянув шею, он увидел стаю волшебников, идущих группами, поджигающих близлежащие палатки и бросающих проклятия в странных направлениях. Прищурившись, он заметил, что все они были в капюшонах и масках, а группы рассредоточились, вынуждая людей бежать в лес неподготовленными. Он также заметил, что группа этих волшебников в капюшонах левитировала две очень маленькие фигурки над ревушим огнем и от души смеялась над их испуганными криками.

— Они идут за грязнокровками, — радостно сказал голос позади него. Это был Драко, улыбающийся открывшейся перед ним картине. Гарри стало тошно от радости в его голосе. — Лучше уведи Грейнджер отсюда побыстрее, Поттер. Грязнокровки торчат, как больные пальцы.

— Я не думаю, что они различают свои цели, Малfoy, — сухо сказал Гарри, пытаясь придумать, как лучше поступить в этой ситуации.

— Держись, если ты так уверен, — сказал он со злобной ухмылкой.

— У меня нет на это времени, — пробормотал Гарри. Ставя на то, что вокруг было слишком много волшебников, чтобы это могло быть зафиксировано на Следе, он схватил свою палочку. « Одурманить ».

Наслаждаясь потрясенным выражением лица блондина, потерявшего сознание, Гарри вошел в палатку, где мистер Уизли почти дремал на диване.

«Мистер Уизли, это бунт. Разбудите всех».

Мужчина проснулся в мгновение ока и выбежал в ближайшую комнату, крича всем, чтобы они выбирались из своих комнат, хватали куртки и бегали. Билл, Чарли и Перси вышли первыми, у всех уже были палочки в руках. Выйдя из палатки прежде, чем кто-либо успел возразить, Гарри оказался в гораздо более опасной ситуации.

Группа из четырех волшебников в капюшонах стояла пугающе близко к палатке Уизли. Ни один из них не был обращен лицом к самой палатке, но все они были достаточно близко, чтобы Гарри мог видеть детали их темных масок, блестящих на фоне огня горящих палаток. Еще больше беспокоило Гарри то, что особенно крепкий из четверки нападавших целился палочкой прямо в голову плачущего малыша, который, защищая, прижимал к груди красного гиппогрифа. Вспомнив, как мальчик был счастлив со своим братом и отцом всего несколько часов назад, все расчеты, которые Гарри делал в глубине души о сокрытии своей силы, вылетели в окно. К счастью для него, он, по крайней мере, не забыл использовать парселтанг.

« Флагелло Игнис », — взревел он, наблюдая, как сплошной поток огня образовался на его палочке и схватил руку с палочкой нападавшего, который взвизгнул от боли от жжения и заставил его выронить палочку. Вспомнив движение, которое он придумал после прочтения книги Руквуда, Гарри без палочки бросил слабое Диффиндо, которое едва прорезало огненный кнут, и быстро наложил Прилипающее заклинание, чтобы приклеить кнута к ближайшему камню. Приняв дуэльную позу, которой он научился у Флитвика, он направил свою палочку и призвал палочку своего поверженного противника.

Как раз вовремя, чтобы он засунул палочку в карман, ему пришлось отвернуться от доминирующей ноги, когда красное проклятие пронеслось по его груди. Используя инерцию, он взмахнул палочкой вверх и прорычал: « Конфринго ». Ярко-оранжевый свет взревел, чтобы встретить одного из волшебников, который вовремя наложил щит, чтобы защитить себя, но был отброшен с достаточной силой, чтобы врезаться в волшебника позади него, который только что

бросил Бомбарду , которая не сработала . навредить Гарри.

Увидев разлетающиеся куски камня и обломки, летящие в воздух от пропущенного проклятия, он бросил быстрый Флагранте на обломки перед собой, прежде чем изгнать их в направлении волшебников. Не ожидая ожога от проклятия, они просто уворачивались от больших кусков камня, прежде чем закричать от боли и удивления, когда их открытая кожа начала гореть. Не хватило, чтобы кто-то из них вышел из боя, но все они упустили свое атакующее окно.

Прежде чем Гарри успел ответить, Билл и Чарли вышли из палатки с внимательными взглядами, а Перси сопровождал младших Уизли.

«Билл, Чарли, нам придется с этим бороться. Перси, отведи их в лес сейчас же », — решительно сказал Гарри, переговариваясь через плечо и скрывая пару громких проклятий . Он воспользовался возможностью, чтобы сбросить свою точку опоры в более удобную доминирующую позицию.

« Акваменти », — произнес Чарли, а затем быстрое « Гласиус » Билла, как будто они тренировали простую комбинацию для этого точного сценария. Замерзшая вода мешала нападавшим двигаться, но одному из них пришла в голову идея использовать маломощное Взрывное проклятие, чтобы освободиться из воды.

— Гарри, пойдем с нами, — сказал мистер Уизли, хватая Гарри за плечо. Гарри пожал плечами и указал на все еще плачущего ребенка на полу.

«Я сдерживал их раньше, я сдерживаю их и сейчас. Фулминис !» Гарри выкрикнул последнее слово, наблюдая, как молния ударила в последнюю часть воды, еще не затронутую Разрушительными проклятиями. По общему признанию, молния не была подавлена; было очень трудно уверенно произнести заклинание в помещении, и в книге Руквуда упоминается, что оно очень изменчиво, когда применяется со значительной силой, поэтому у него не было возможности практиковаться очень часто, но этого было достаточно, чтобы поразить одного из нападавших достаточно для им бросить палочки. "Вызовите палочку для доказательства!" — закричал Гарри, быстро уворачиваясь от очередного проклятия. Перси все понял и так и сделал, взвизгнув от удивления, когда один из двух волшебников все еще с палочкой бросил быстрый Экспеллиармус .и вернул палочку ее владельцу, который хмыкнул в знак признательности.

«Чарли, прикрой меня и Гарри, мы идем в наступление. Папа, иди сейчас, ты можешь встретить сопротивление на пути к лесу».

Мистер Уизли не решался оставить Гарри с двумя старшими сыновьями, но, увидев испуганное выражение лица Джинни, которую окружали оба близнеца, быстро кивнул и выпроводил их всех из палатки. Гермиона бросила испуганный взгляд в сторону Гарри, прежде чем Перси оттолкнул ее в сторону.

В суматохе Гарри вовремя не заметил, как Режущее проклятие направляется к нему, и ему

пришлось сломать свою ось и повернуться, чтобы оно не попало в центр его тела. В конце концов она попала ему в бедро, и он зашипел от боли, когда кровь стекала по его ноге.

«Черт возьми, Чарли, чертовы щиты!» Гарри пожаловался, когда он изменил свою позицию и разыграл еще одно Конфринго, которое с трудом было защищено другим волшебником. К этому моменту первый волшебник, которого Гарри обездвигил, нашел на земле упавшую палочку и был вооружен, но использовал левую руку, так как его рука с палочкой бесполезно болталась на боку.

"Не успел!" Он кричал, перекрывая шум различных проклятий, сыпавшихся на щит теперь, когда нападавшие нанесли удар и решили перейти в наступление.

Билл применил мощное Инсендио, которое было встречено Акваменти одного из четырех нападавших. Туман горячего пара наполнял воздух, слегка скрывая их. Зная, что ему больше не нужно обороняться, чтобы защитить палатку, Гарри начал двигаться, используя туман как прикрытие. Поняв ту же идею, Билл сделал то же самое в противоположном направлении, накладывая Взрывные проклятия, чтобы направить атаки на него, оставив Гарри открытым.

Гарри решил спрятаться поглубже, пока пар не рассеялся, и произнес «Фумос», в то время как битва сосредоточилась на двух старших Уизли. Зная, что Вентус скоро рассеет туман, Гарри собрал для подготовки столько магии, сколько смог. Когда один из нападавших, наконец, сделал это, он сосредоточил свою магию и применил самый яркий Люмос, какой только мог, ослепив всех, когда их зрение быстро переключилось с неясного тумана на невероятную яркость менее чем за секунду. Гарри, единственный из подготовленных, воспользовался пройденным расстоянием и общим замешательством окружающих, чтобы, наконец, произнести парселтанг, не привлекая к себе внимания.

«Экпульсо», — прошипел он, наблюдая, как огромный синий свет вырвался из его палочки и взорвал землю между всеми четырьмя нападавшими. Только у того, что сзади, хватило присутствия духа, чтобы бросить Протега в тот момент, когда он был ослеплен. Ближайший к взрыву волшебник, тот самый, которого Гарри сжег ранее, ударился головой о землю и потерял сознание. Двое других нападавших с громким ворчанием ударились о землю и выпустили палочки. Билл быстро оправился и применил два Stupefy к упавшим нападавшим.

Прежде чем что-либо еще можно было сделать против единственного оставшегося нападавшего, позади всех раздался рев «МОРСМОРДРА». Опасаясь нападения на спину, Гарри повернул бедра так, чтобы он мог повернуться на десять центов и быстро использовать свою палочку в обоих направлениях. Билл и Чарли не подумали об этом и просто обернулись и ахнули, когда в небе появился огромный череп со змеей, высовывающейся изо рта, как язык. Гарри вытаращил глаза на странный символ в небе, забыв уроки с Флитвиком, когда крики ужаса снова раздались по деревьям.

Они услышали шум и обернулись только для того, чтобы увидеть, как нападавший все еще стоит, хватая обоих оцепеневших союзников, прикрепляя их палочки, и убегая оттуда, оставив позади только одного нападавшего без сознания с палочкой в кармане Гарри.

Двое Уизли и Гарри посмотрели друг на друга, все они были мокры от пота от напряженной борьбы, Гарри все еще истекал кровью из пореза на бедре, адреналин струился по его венам, блокируя боль.

— Что, черт возьми, только что произошло? — сказал Чарли после некоторого молчания.

<http://tl.rulate.ru/book/62719/1802649>